

УДК [316.3:33](470.11)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.41

Территориальная социальная работа как условие повышения качества жизни населения северного региона *

© МАЛИК Лариса Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: l.malik@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© МЕЛКАЯ Лия Александровна, магистрант

Тел.: 8-952-308-83-89. E-mail: lia.melkaya@yandex.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье обозначены компоненты и факторы качества жизни населения северного региона. Показана специфика реализации социальной работы на севере. Рассмотрен рейтинг северных регионов России по качеству жизни, отмечена взаимосвязь качества жизни с формой организации социальной работы. Представлен потенциал территориальной социальной работы на Севере, сфокусированной на деятельности в местном сообществе и направленной на активизацию индивидов, семей, социальных групп. Раскрыты приоритетные задачи и отдельные направления социальной работы по территориальному принципу в рамках разработки подходов к реализации федерального проекта «Крепкая семья» партии «Единая Россия» в Архангельской области.

Ключевые слова: северный регион, качество жизни, территориальная социальная работа, местное сообщество, партийный проект «Крепкая семья».

Community social work as a condition for improving the quality of life of the population of the northern region

© Larisa S. MALIK, Cand. Sci. (Ped.), associate professor

E-mail: l.malik@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Liya A. MELKAYA, MS graduate

Tel.: +7-952-308-83-89. E-mail: lia.melkaya@yandex.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article identifies the components and factors of the quality of life of the population of the northern region. The specifics of social work in the North are presented. The authors considered the rating of Northern regions of Russia on quality of life and noted the relationship between the quality of life with a form of social work. The potential of community social work in the North focused on activities in the local community and aimed at strengthening individuals, families and social groups is also discussed. The authors revealed priorities and individual areas of social work according to the territorial principle in the development of approaches to implementation of the Federal project “Strong family” of the party “Edinaya Rossiya” (“United Russia”) in the Arkhangelsk region.

Keywords: Northern region, quality of life, community social work, local community, political party project “Strong family”.

* Для цитирования:

Малик Л.С., Мелкая Л.А. Территориальная социальная работа как условие повышения качества жизни населения северного региона // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 41–51. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.41

For citation:

Malik L.S., Melkaya L.A. Community social work as a condition for improving the quality of life of the population of the northern region. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 41–51. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.41

Повышение качества жизни населения северных регионов в аспекте организации социальной работы

Устойчивое развитие северных регионов России является условием обеспечения национальной безопасности, поскольку данные территории имеют особое геополитическое значение и обладают существенным природно-ресурсным потенциалом. Миссия Севера состоит в финансово-экономической поддержке перехода страны на инновационный виток развития.¹ При этом внимание акцентируется на необходимости повышения качества жизни населения северных регионов посредством создания возможностей для осуществления полноценной жизнедеятельности.

Качество жизни интегрально совмещает индекс человеческого развития, степень удовлетворения жизненных потребностей населения, показатели социально-экономического благосостояния региона. Одним из механизмов повышения качества жизни различных категорий населения выступает социальная работа, направленная на адаптацию и самореализацию личности в обществе, изменение социальной ситуации, развитие общественных структур всех уровней. При этом качество жизни не является «стандартизированной» категорией, это вариативная система индикаторов, которая может быть сформирована с учётом специфики территории и характера потребностей населения. В связи с этим представляется возможным провести параллель между качеством жизни и формой организации социальной работы в конкретном регионе.

Основой построения территориальных моделей социальной работы в субъектах России стало Постановление Правительства РФ от 1 марта 2004 г. № 117, утвердившее «Порядок подготовки, согласования и утверждения соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий ...»² (в настоящее время Порядок утратил силу — *прим. авт.*). При этом комплексные лонгитюдные исследования относительно динамики и сравнения качества жизни по регионам России отсутствуют, мы можем оперировать лишь показателями отдельных рейтингов, основанных по большей части на статистических данных.

Рейтинг субъектов Российской Федерации по качеству жизни — 2016, составленный на основе комплексного учёта 72 показателей, включая эколого-климатические условия, демографическую ситуацию, уровень экономического развития, степень освоённости территории и развития транспортной инфраструктуры, уровень доходов населения, показатели за-

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 13.11.2017).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 01.03.2014 г. № 117 «О порядке подготовки, согласования и утверждения соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий, а также о внесении изменений в такие соглашения» (в ред. от 09.07.2004). URL: <https://rg.ru/2004/03/11/polnomochiya-dok.html> (дата обращения: 15.11.2017).

нятости, рынок труда, жилищные условия и безопасность проживания, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, демонстрирует низкие позиции большинства северных регионов. Так, Архангельская область занимает в рейтинге 71 место из 85.³ В условиях севера индикаторы качества жизни находятся в прямой зависимости от так называемых факторов «северности», среди которых высокая стоимость воспроизводства всех видов капитала, экономическая затратность проживания, тяжёлые природно-климатические условия и техногенная нагрузка [1, Скуфьина Т.П.]. Ситуация осложняется усилением неравенства территорий в параллели от центра к периферии и социально-экономической поляризацией населения вследствие диспропорций в доходах, что ведёт к росту социальной напряжённости.

В то же время не следует связывать низкие показатели качества жизни только со статусом северной территории, поскольку опыт целого ряда регионов, где уделяется повышенное внимание вопросам организации социальной работы, свидетельствует об обратном. Например, Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) входит в десятку лидеров вышеобозначенного рейтинга⁴ и имеет самый низкий коэффициент младенческой смертности по стране, а Ямало-Ненецкий автономный округ занимает первое место в рейтинге регионов по уровню жизни семей⁵ и является субъектом России с высокой степенью социальной устойчивости по обобщённой характеристике уровня жизни населения [2, Корчак Е.А.]. В связи с этим требуется рассмотрение вопросов организации социальной работы в северном регионе как механизма, содействующего улучшению качества жизни населения.

Так, с 2008 г., согласно постановлению Правительства региона № 174-п⁶, социальная работа в Югре организуется по участковому принципу, что предполагает максимальную приближённость социальной работы к месту проживания семей; обеспечение пребывания клиента в привычной социокультурной среде; ставку на профилактику семейного и социального неблагополучия; развитие межведомственного взаимодействия с активным привлечением некоммерческого сектора, общественных и добровольческих инициатив. На каждый социальный участок введён норматив численности: в муниципальном районе он варьируется от 1 500 до 5 000 человек, в городском округе — от 5 000 до 7 000 жителей. В Ямало-Ненецком автономном округе также происходит интенсивное становление организационных форм территориальной социальной работы с целью максимальной приближённости к населению. Более восьми лет назад было положено начало развитию участковых социальных служб, деятельность которых сегодня сфокусирована на предотвращении семейного неблагополучия и профилактике социальных отклонений.

³ Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2016 // РИА Рейтинг URL: <https://ria.ru/infografika/20170220/1488209453.html> (дата обращения: 11.11.2017).

⁴ Там же.

⁵ Рейтинг регионов по благосостоянию российских семей по итогам 2016 г. // РИА Рейтинг. URL: <http://riarating.ru/regions/20170515/630062559.html> (дата обращения: 11.11.2017).

⁶ Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 20 августа 2008 г. № 174-п «Об организации социальной работы по участковому принципу в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» (с изм. на 31.10.2014). URL: <http://docs.cntd.ru/document/991021580> (дата обращения: 12.11.2017).

Принимая во внимание вышеуказанные примеры и учитывая сложность переноса опыта традиционных секторальных форм организации социальной работы и практик из субъектов центральной России, авторы задаются вопросом о необходимости формирования территориальных моделей социальной работы в северных регионах.

Потенциал территориальной социальной работы в северных регионах

Территориальная социальная работа (community social work) — направление социальной работы с местным сообществом, посредством которой индивиды, семьи и социальные группы вовлекаются в спланированную деятельность для решения актуальных задач и проблем. В центре внимания территориальной социальной работы стоит реализация жизненно важных функций человека в семье, социуме, общине. Ключевым принципом территориальной социальной работы является семейно-ориентированный подход, который предполагает осуществление работы с клиентом в рамках привычной ему социально-культурной среды при актуализации ресурсов семьи, соседского и местного сообщества. Под сообществом понимается множество людей, проживающих на территории муниципального образования и объединённых общими интересами в вопросах местного значения. Работа «на низовом уровне» строится на широком сотрудничестве общины с формальными системами, что означает внутренние социальные изменения и высокий уровень ответственности сообщества [3].

Другими словами, предполагается передача социальной ответственности на муниципальный уровень и делегирование полномочий по развитию социальной ситуации общинам. Доказано, что пути повышения эффективности социальной работы основываются на социальной вовлечённости сообщества и повышении участия граждан, особенно социально уязвимых групп, в реализации муниципальной социальной политики [4]. Базовой структурой территориальной модели социальной работы является участковая социальная служба, которая находится в пределах «шаговой доступности» и включает многопрофильный коллектив специалистов (социальные и медицинские работники, педагоги, психологи, юристы). Учреждение курирует территорию с населением до 2 000 жителей и функционирует в автономном режиме. Как правило, оно имеет двойное административное подчинение, располагает несколькими источниками финансирования. В российских реалиях в такие службы могут быть трансформированы центры социальной помощи семье и детям, отделения социальной защиты населения муниципалитета, комплексные центры социального обслуживания.

Территориальная социальная работа — своего рода «буферный» механизм, позволяющий конструктивно реализовывать социальную политику на уровне муниципальных образований. Она зародилась в последней четверти XX в. в Великобритании и зарекомендовала себя эффективной организационной формой, в сравнении с секторальной социальной работой, сконцентрированной на решении выявленных проблем и оказании помощи по факту принадлежности человека к той или иной клиентской категории. Социальные технологии,

нацеленные на работу с микросоциумом, хорошо институционализированы в Скандинавских странах, где местное сообщество играет определяющую роль в социальном развитии благодаря наличию устойчивой связи населения с так называемым феноменом «социальной укоренённости» — местной индивидуальной и коллективной идентичности [5, Рябова Л.А.].

В России территориальная форма организации социальной работы представлена фрагментарно. Её широкому распространению, по мнению исследователей, препятствует патерналистская направленность социальной политики и пассивная позиция большей части местных сообществ [6, Волченко С.Ю., с. 125–126]. Необходимость территориальной дифференциации в соответствии с различиями в условиях жизнедеятельности населения, саморазвитие территориальных общностей, обеспечение самостоятельности управления на уровне муниципальных образований были обозначены ещё в Концепции социально-экономического развития районов Севера 1992 г. и являются базовыми условиями перехода к модели устойчивого развития северных регионов, в основе которой — интересы человека и улучшение условий его обитания.⁷

Однако в настоящее время большинство жителей северных регионов выступает скорее реципиентами государственной помощи и поддержки, нежели активными участниками реализации социальной политики. Подобное поведение сложилось ещё со времён СССР, когда система социального обеспечения, основанная на политике протекционизма и компенсационности, содействовала закреплению устойчивых патерналистских установок. Часть населения выработала «маргинальные» механизмы адаптации к условиям Севера, которые проявляются в наличии иждивенческих настроений, отсутствии мотивации к трудовой деятельности, распространении алкоголизма, росте установок на насилие и агрессию как средства реализации своих интересов, что становится почвой для широкой детерминации отклоняющегося и делинквентного поведения [7, Константинова Т.Н., 8, Степанова П.П., 9, Трубицын Д.А.]. Исследователи также наблюдают тенденции к девальвации культурных и семейных ценностей, разрушению брачно-семейных отношений, что приводит к расширению масштабов жестокого обращения с несовершеннолетними и росту социального сиротства.

В то же время анализ жизнедеятельности автохтонного населения, поморов, коренных малочисленных народов Севера демонстрирует высокую значимость местного сообщества в жизни каждого человека. Община играла в жизнедеятельности северянина огромную роль и выступала институтом контроля по соблюдению и воспроизводству устоев, обычаев, традиций, являлась гарантом полноценного функционирования и социальной безопасности. Как сложная культурно-историческая и социально-экономическая система она содействовала образованию базовых устойчивых архетипов, конструктов сознания, регламентирующих поведение человека. Например, для северян было практически не свойственно явление инфантицида и социального сиротства, поскольку доминировали ценности семейственности,

⁷Концепция социально-экономического развития районов Севера: утв. Распоряжением Правительства РФ от 18 января 1992 г. № 107-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901607038> (дата обращения: 12.11.2017).

родства, детства, взаимоуважения, а община поддерживала семьи, призревшие или усыновившие сироту, который именовался «своим». Особым типом семейной системы на Севере была поморская семья — расширенная, многопоколенная, проживающая, как правило, в одном большом доме и ведущая коллективное хозяйство с половозрастным разделением труда, оказанием друг другу разных видов поддержки и взаимопомощи [10, Буторина Т.С., Смягликова Е.А.]. Коренное малочисленное население также кооперировалось в небольшие группы, коллективы и союзы, основанные на взаимной поддержке и принципах «моральной экономики» [11, Соколова Ф.Х., Трошина Т.И., с. 57].

В северных регионах исторически сложилась своеобразная социокультурная среда, формирование которой было обусловлено пространственно-географическим ландшафтом и природно-климатическим статусом территории, спецификой социально-экономической деятельности, широкой распространённостью грамотности, многообразием форм народной культуры, что составляет потенциальные перспективы для развития территориальной социальной работы в данное время.

Специфика организации территориальной модели социальной работы в Архангельской области

Крупнейшим субъектом Северо-Запада России является Архангельская область. Территория региона отличается высокой степенью разнородности, условия проживания в отдельных районах неодинаковы по природно-климатическим, социально-экономическим, инфраструктурным показателям. Плотность населения составляет менее 2 человек на км². Национально-этнический состав отличается многообразием: в регионе насчитывается 108 национальностей. В Мезенском, Лешуконском, Пинежском, Приморском районах Архангельской области проживают представители коренных малочисленных народов Севера (ненцы, вепсы, ханты), однако официально к категории получателей дополнительных льгот по категории КМНС отнесены только ненцы.⁸

В Архангельской области зафиксированы достаточно высокие показатели уровня бедности (14,7%), превышающие общероссийские; констатируется миграционный отток населения за пределы региона.⁹ Реализация социальных обязательств осуществляется в условиях дефицита бюджетного финансирования, что тормозит развитие социальной сферы. Построение системы социальной работы на Севере находится в прямой зависимости от ряда особенностей, среди которых наибольший вес имеют следующие:

- малонаселённость территории, очаговый характер расселения;
- экономическая затратность жизнеобеспечения с превалированием расходов домохозяйств на удовлетворение базовых жизненных потребностей;

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (в ред. от 25.08.2015). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757631> (дата обращения: 15.11.2017).

⁹ Архангельская область на приборной панели статистики // Итоги и перспективы Архангельской области. 2017. С. 50–52.

- удалённость от центра, дотационный характер финансирования социальной сферы;
- неразвитость транспортной, социальной, медицинской, образовательной, учрежденческой инфраструктуры;
- сложные природно-климатические условия, ослабляющие адаптационные возможности человека.

В урбанизированных пространствах, в частности, в относительно крупных городах с населением более 20 000 человек (Архангельск, Северодвинск, Котлас, Новодвинск, Коржма, Мирный, Вельск, Няндом) система социальной работы сформирована достаточно хорошо, учитывается характер потребностей населения и специфика развития городской агломерации. Функционирует сеть типовых центров социального обслуживания с элементами инновационных технологий, развиваются модели социального сопровождения. Однако в большинстве удалённых и труднодоступных районов области инфраструктура социальных учреждений развита слабо, сложно осуществляется централизованное управление подведомственными территориями вследствие их значительной «разбросанности».

Определённые попытки внедрения территориальной модели социальной работы можно отметить в рамках программы «Социальная поддержка граждан Архангельской области на 2013–2018 годы»¹⁰: в некоторых районах (Вельском, Каргопольском, Няндомском, Ленском) и городах (Архангельске, Новодвинске, Северодвинске) при государственных учреждениях для семьи и детей, комплексных центрах социального обслуживания апробирована технология «Служба социальных участков», цель которой заключалась в выявлении семей на ранних стадиях неблагополучия и содействии в получении мер социальной поддержки, профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних. Однако широкого распространения данная практика социальной работы не получила.

В этой связи актуализирована реализация специальных программ и проектов, направленных на обновление подходов к организации социальной работы с учётом структурных изменений в образе жизни населения.

Подходы к организации территориальной социальной работы в рамках проектной деятельности

С 30 мая 2017 г. в Архангельской области стартовал федеральный проект «Крепкая семья» партии «Единая Россия», который является ведущим по активности и степени охвата территории: его география обозначена 72 регионами. Цель проекта состоит в привлечении внимания к проблемам семьи посредством работы на местном уровне посредством консолидации государственных учреждений, общественных и некоммерческих организаций, со-

¹⁰ Постановление Правительства Архангельской области от 12.10.2012 г. № 464-пп «Об утверждении государственной программы Архангельской области «Социальная поддержка граждан в Архангельской области (2013–2020 годы)» (в ред. от 20.12.2016). URL: <http://onegaoszn.ru/documents/npa/464-pp.html> (дата обращения: 11.11.2017).

циально-активных граждан и осуществлением практики конкретных дел.¹¹ Спектр деятельности не ограничивается направленностью на семью, но включает в себя развитие системы координационной и коррекционной работы в области профилактики социальных отклонений, совершенствование правовых и организационно-управленческих механизмов межведомственного взаимодействия, внедрение инновационных технологий в практику работы учреждений и организаций социальной сферы, содействие повышению профессиональных навыков сопровождающих специалистов.

В число приоритетных задач проекта «Крепкая семья» в Архангельской области входят следующие направления:

- поддержка социальных связей и самоорганизации на местном уровне, «соседских сообществ», групп самопомощи и взаимопомощи;
- содействие созданию добровольческих, волонтерских и общественных организаций;
- проведение массовых социально значимых мероприятий;
- просветительская работа среди населения;
- развитие альтернативных адаптивных возможностей населения через специальные образовательные программы.

В рамках проекта определена экспериментальная площадка — Вельский район, включающий 22 муниципальных образования. Данный район обладает некоторыми преимуществами в сравнении с другими территориями области: например, здесь в 2015–2017 гг. при поддержке Ассоциации «Здоровые города, районы и посёлки» была успешно апробирована программа по формированию здорового образа жизни населения через повышение активности органов местного самоуправления; с 2017 г. функционирует Общественный совет муниципального образования, в который входят представители различных учреждений и ведомств.

Проект предполагает выработку подходов, на основе которых будут определены организационные формы и технологии в русле территориальной социальной работы, учитывающей потребности и возможности каждой конкретной территории. Исследовательская компонента проекта «Крепкая семья» состоит в выявлении системы индикаторов качества жизни, оценка динамики которого позволит отслеживать изменения в потребностях, интересах, социально-психологическом статусе населения, что выступит показателями эффективности территориальной социальной работы. Поскольку категория «качество жизни» не является статичной, оптимально подобранные индикаторы позволят сформировать объективную картину социальной ситуации и спрогнозировать варианты её развития, корректируя содержательную часть социальной работы. Выработанные научно обоснованные организационно-управленческие подходы предоставят потенциал для «переноса» территориальных моделей социальной работы в другие районы области с учётом возможностей и потребностей территории.

¹¹ Крепкая семья // Единая Россия. Партийные проекты в регионе. URL: <http://arkhangelsk.er.ru/projects/krepkaya-semya/> (дата обращения: 14.11.2017).

Заключение

Реализация социальной работы в форме территориальных моделей может выступить условием повышения качества жизни населения, поскольку они основываются на широком вовлечении местных сообществ в развитие социальной сферы; объективно учитывают специфику и инфраструктуру конкретных территорий; оптимально задействуют ресурсы социальных партнёров, бизнес-компаний, предприятий, не ограничиваясь рамками бюджетного финансирования. С одной стороны, социальная работа выступает механизмом повышения качества жизни, с другой стороны, качество жизни является концептуальной платформой для формирования территориальных моделей социальной работы, так как даёт возможность — за счёт вариативной системы индикаторов — отразить динамику развития социальной ситуации и выстроить систему социальной поддержки с учётом изменения потребностей населения.

Особый потенциал территориальной социальной работы в северном регионе составляют исторически сложившиеся формы социальной самоорганизации, построенные по принципу коллективности, так как выживание в экстремальных природно-климатических условиях вне поддержки общины было фактически невозможно. Территориальная социальная работа, делающая ставку на повышение качества жизни, позволит достичь выравнивания стартовых возможностей, паритета интересов разных социальных групп, обеспечения сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера за счёт реализации спектра дополнительных гарантий и льгот. В комплексе это позитивно скажется на сохранении культурной самобытности, национально-этнических и экологических норм северной цивилизации, что является главным условием устойчивого развития Севера [12, Снисаренко С.О.].

Партийный проект «Крепкая семья» в Архангельской области сфокусирован на разработке подходов к реализации территориальной социальной работы, основанных на представительстве различных слоёв населения и самостоятельности социально-экономической деятельности конкретных муниципальных образований по типу территориального общественного самоуправления. Принимая во внимание величину, разнородность региона и специфику районов, можно предположить, что внедрение территориальных моделей социальной работы может разрешить противоречия между необходимостью построения единой сети социального обслуживания и оказанием социальной поддержки населению на территории проживания в привычной для него социокультурной среде.

Таким образом, построение территориальной социальной работы в северном регионе позволит достичь максимальной социальной эффективности при минимальных экономических затратах и прийти к консенсусу между механизмом реализации политики устойчивого развития Севера и повышением качества жизни за счёт направленности на укрепление человеческого потенциала, удовлетворение реальных потребностей и повышение благосостояния населения.

Литература

1. Скуфьина Т.П. Специфика современного Севера // Экономика и управление. 2009. № 9 (58). С. 182–184.
2. Корчак Е.А. Уровень жизни населения регионов Севера и Арктики Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2015. № 7 (часть 3). С. 605–609.
3. Wessells M.G. Bottom-up approaches to strengthening child protection systems: Placing children, families, and communities at the center // Child abuse & neglect. 2015. Vol. 43. P. 8–21.
4. Moors M. Community work — the missing link of municipal social policy // 3rd International Interdisciplinary Scientific SOCIETY HEALTH WELFARE / 1st Congress of Rehabilitation Doctors of Latvia: Riga, Latvia, 11-12 NOV, 2010. 2012. Vol. 2. DOI 10.1051/shsconf/20120200023
5. Рябова Л.А. Местные сообщества планетарного Севера: тренды и факторы социального развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 2 (28). С. 102–106.
6. Волченко С.Ю. Социальное картирование как технология социальной работы по семейному неблагополучию на территории // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г.) / Под. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, 2015. С. 125–130.
7. Константинова Т.Н. Изменение форм семьи на Севере: региональное измерение // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7. С. 27–31.
8. Степанова П.П. Социальная самоорганизация и государственная политика на Севере // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 32 (125). С. 145–148.
9. Трубицын Д.А. Социальное иждивенчество в системе детерминант преступности (на примере преступности коренных малочисленных народов Крайнего Севера Ямало-Ненецкого автономного округа) // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 121–128.
10. Буторина Т.С., Смягликова Е.А. О призрении и воспитании детей-сирот на Архангельском Севере в XVIII–XIX вв. // Мир образования — образование в мире. 2009. № 2. С. 17–22.
11. Соколова Ф.Х., Трошина Т.И. Экологическое измерение культуры коренных малочисленных народов Российской Арктики // Экология человека. 2015. № 11. С. 56–64.
12. Снисаренко С.О. Социальная работа в местном сообществе как социологический феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 22. № 53. С. 219–222.

References

1. Skuf'ina T.P. Specificity of modern North [Specificity of modern North]. *Ekonomika i upravlenie*, 2009, no. 9 (58), pp. 182–184.
2. Korchak E.A. Uroven' jizni naseleniya regionov Severa i Arktiki Rossiiskoi Federacii [The standard of living of the population of the North and the Arctic regions of the Russian Federation]. *Fundamentalnie issledovaniya* [Fundamental research], 2015, no. 7, ch.3. pp. 605–609.
3. Wessells M.G. Bottom-up approaches to strengthening child protection systems: Placing children, families, and communities at the center. *Child abuse & neglect*, 2015, vol. 43. pp. 8–21.
4. Moors M. Community work – the missing link of municipal social policy. *3rd International Interdisciplinary Scientific SOCIETY HEALTH WELFARE, 1st Congress of Rehabilitation Doctors of Latvia*. 11–12 NOV, 2010, 2012, vol.2. DOI 10.1051/shsconf/20120200023
5. Ryabova L.A. Mestnye soobshchestva planetarnogo Severa: trendy i factory social'nogo razvitiya [Local communities of the planetary North: trends and social development factors]. *Sever i rynek: formirovanie ehkonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2011, no. 2 (28), pp. 102–106.
6. Volchenko S.Yu. Social'noe kartirovanie kak tekhnologiya social'noj raboty po semejnomu neblagopoluchiyu na territorii [Social mapping technology as a social work on the territory of family trouble]. *Sociokul'turnoe razvitie bol'shogo Urala: trendy, problemy, perspektivy: materialy yubilejnoy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii XX Ural'skie sociologicheskie chteniya* (Ekaterinburg, 27–28 fevralya 2015 g.). Ed. by Yu.R. Vishnevskiy. Ekaterinburg, 2015, pp. 125–130. (In Russ.)

7. Konstantinova T.N. *Izmenenie form sem'i na Severe: regional'noe izmerenie* [Change in family forms in the North: a regional dimension]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2014, no. 7, pp. 27–31.
8. Stepanova P.P. *Social'naya samoorganizaciya i gosudarstvennaya politika na Severe* [Social self-organization and public policy in the North]. *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2009, no. 32 (125), pp. 145–148.
9. Trubicyn D.A. *Social'noe izhdivenchestvo v sisteme determinant prestupnosti (na primere prestupnosti korennyh malochislennyh narodov Krajnego Severa Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga)* [Social dependency in the system of the determinants of crime (on the example of the criminality of the indigenous minorities of the Far North of the Yamalo-Nenets Autonomous District)]. *Yuridicheskaya nauka*, 2015, no. 4, pp. 121–128.
10. Butorina T.S., Smyaglikova E.A. *O prizrenii i vospitanii detej-sirot na Arhangel'skom Severe v XVIII–XIX vv.* [On the contempt and education of orphaned children in the Arkhangelsk North in the XVIII–XX centuries.], *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire*, 2009, no. 2, pp. 17–22.
11. Sokolova F.H., Troshina T.I. *Ehkologicheskoe izmerenie kul'tury korennyh malochislennyh narodov Rossijskoj Arktiki* [Ecological capacity of the culture of indigenous minorities of the Russian Arctic], *Ehkologiya cheloveka* [Human Ecology], 2015, no. 11, pp. 56–64.
12. Snisarenko S.O. *Social'naya rabota v mestnom soobshchestve kak sociologicheskij fenomen* [Social work in the local community as a sociological phenomenon]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Herzen University Journal of Humanities & Science], 2007, vol. 22, no. 53, pp. 219–222.